

Источник: Ефремов, В. А. Язык вражды: ковидный извод // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 254-264.

В. А. Ефремов
ЯЗЫК ВРАЖДЫ ЭПОХИ ПАНДЕМИИ:
КОВИДНЫЙ ИЗВОД

В ситуации пандемии влияние интернета на язык и повседневную коммуникацию трудно переоценить: уйдя на *самоизоляцию, удаленку и дистанционку* и вынужденно общаясь прежде всего через мессенджеры, социальные сети и платформы для видеосвязи (зум, скайп, Microsoft Teams), современный человек все больше погружается в виртуальную реальность. В начале 2020-х электронные технологии не только продолжают формировать и усложнять виртуальную сферу коммуникации, но и стремительно расширяют новую среду бытования языка – интернет-дискурс.

Если исключить вопросы активного использования практически невозможной ранее невербальной информации в вербальном тексте, то можно говорить о том, что интернет-речь – это искаженная письменная фиксация трансформированной устной речи, при которой обе формы существования языка не совпадают с традиционными представлениями ни об устной, ни о письменной форме существования языка. Освещая разнообразные вопросы бытования языка в интернете, Г. Н. Трофимова отмечает, что аудитория Рунета осваивает интернет-пространство как «место самореализации, осуществление которой <...> невозможно вне речевой практики». Эти процессы тесно связаны с особенностями виртуальной коммуникации, к которым относятся «раскрепощённость, простота и динамичность» [Трофимова 2011: 298].

Интернет-пространство создает особые условия для реализации как речевой агрессии в целом, так и языка вражды, что довольно активно исследуется не только лингвистами и специалистами в теории коммуникации, но и на широком междисциплинарном поле [Digital-агрессия 2015]. К основным причинам развития речевой агрессии в интернете можно отнести следующие:

- стремительный рост информационных технологий;
- доступность информации во всех ее проявлениях;
- латентность (кибер)буллинга;
- иллюзия анонимности;

- опубликование в социальных сетях личной информации;
- «провокационные действия» самих жертв (виктимблейминг);
- безнаказанность со стороны администрации сайтов и закона;
- отсутствие компьютерной компетентности и представлений об информационной безопасности у многих пользователей Рунета.

Термин «речевая агрессия» в современных лингвистических и психологических исследованиях употребляется применительно к разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по (1) мотивации участников коммуникативного акта, (2) ситуациям проявления, (3) формам словесного воплощения и (4) преследуемым собеседниками целям. В самом общем виде под речевой агрессией понимают «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян 2003: 1].

Практически всю палитру разнообразных форм и практик речевой агрессии как раз и представляет интернет-пространство. Отдельно следует отметить, что развитие Рунета хронологически совпало с появлением в публичном пространстве отсутствовавшего в нем ранее русского извода языка вражды (*hate speech*) как формы выражения резко отрицательного отношения к оппонентам, носителям иной системы религиозных, национальных, гендерных, культурных и/или иных ценностей.

De-jure Комитет министров Совета Европы определяет язык вражды как «все формы выражения, включая распространение, провоцирование, стимулирование, или оправдания расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [Recommendation... 1997].

В американском законодательстве для языка вражды используется следующая дефиниция: «коммуникация, которая не несет никакого иного смысла, кроме выражения ненависти к некоторой группе, особенно в условиях <здесь и далее выделено нами. – В. Е.>, когда коммуникация может спровоцировать насилие. Это подстрекательство к ненависти в первую очередь в отношении группы лиц, определяемой по признаку расы, этнической принадлежности, национального происхождения, пола, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п. “Языком вражды” может быть любая форма выражения, расцениваемая как оскорбительная для расовых,

этнических и религиозных групп и других выделяемых меньшинств или женщин» [Hate Speech].

Собственно лингвистическая проблематика языка вражды применительно к русской лингвокультуре начала осмысляться несколько лет назад [Язык вражды 2006], и, безусловно, эту проблему можно включить в более широкий круг общелингвистических исследований, посвященных вербализации архетипической для человеческого сознания и культуры оппозиции «свой – чужой».

Язык вражды предполагает деление общества на «своих» и «чужих» (часто это «мы-большинство» и «они-меньшинство»), при этом группы наделяются противоположными качествами, т. е. язык вражды становится «способом языкового конструирования моделей и практик социального неравенства» [Понарин и др. 2007: 91].

Интересно, что пандемия 2020 г. во всех странах мира спровоцировала очередное разделение общества (в том числе и российского) на «своих» и «чужих», что привело к появлению новых групп людей, ставших мишенью для оригинального языка вражды, основанием которого становятся не этнические, религиозные, гендерные или иные формы социальных стереотипов, а медицинские (!) знания, точнее – представление о новой коронавирусной инфекции. Иными словами, водоразделом, когнитивной базой для противопоставления «свой – чужой» (фундамент языка вражды) стали не какие-либо архетипические или патриархатные стереотипы, а оппозиция *медицинские научные знания vs медицинские наивные знания/предубеждения*. Безусловно, сопровождаемое отрицательными коннотациями лексическое маркирование людей по уровню их медицинских знаний существовало и раньше (ср. гетерогенные: *коновал, сыроед, аюрведист, антипрививочник, гепатит-диссидент* (<https://vk.com/gepatitacnet>) и мн. др.), однако никогда еще в истории русского языка менее чем за один год не формировалась многочисленная и сложноструктурированная лексико-семантическая группа существительных, обозначающих апологетов одного конкретного медицинского заблуждения. Причем у лексико-семантической группы «Ковид-диссидент» есть все шансы перерасти во вполне самостоятельное лексико-семантическое поле «Ковид-диссидентство» (ср., например: *ковиданные меры, ковидануть, ковидбесноватый* и мн. др.).

Язык вражды начинается с номинации: для того чтобы концептуализировать идейного оппонента/противника, его нужно

назвать. Практически с самого начала пандемии во многих европейских языках возникает прозрачное по внутренней форме существительное *ковидиот*, которое с иронической коннотацией сразу же стало обозначать два типа людей: ‘паникер, на фоне пандемии массово (и безрассудно) скупающий товары первой необходимости’ и ‘человек, игнорирующий санитарно-эпидемиологические меры, связанные с инфекцией COVID-19’.

По данным медийного банка «Интегрум» (Integrum.ru), впервые в российском медиадискурсе (если не считать двух заметок в грузинском русскоязычном интернет-пространстве) *ковидиот* появляется 22 марта 2020 г. сразу в нескольких интернет-изданиях со ссылкой на электронный онлайн-словарь английского сленга Urban Dictionary, первая фиксация в котором относится к 16 марта 2020 г. (www.urbandictionary.com/define.php?term=Covidiot). Собственно, уже эта номинация – классический образец языка вражды, оскорбляющий тех людей, которые отличаются взглядами или поведением от использующих его.

Практически день в день в русскоязычном сегменте интернета появилась лексема, первоначально совпавшая со вторым значением *ковидиота*, – *ковид-диссидент*: «Набирает силу движение *ковид-диссидентов*, которые перестают мыть руки и пытаются вдохнуть вирус через натянутые на окна дезинфекционные сетки — чтобы побыстрее переболеть и выйти на свободу [ФК Факел Воронеж (fanclub-fakel.ru) 21.03.2020].

Уже первое упоминание существительного *ковид-диссидент* отражает так называемый мягкий вариант языка вражды (Верховский 2002): в приведенном контексте ставится акцент на сниженных когнитивных способностях (отрицание здравого смысла и норм гигиены) носителей данного мировоззрения.

Однако эта, первая фиксация словоупотребления эксплицирует важный семантический компонент, который потом в лексико-семантической структуре слова уйдет на периферию, – ‘преуменьшение опасности’. Иными словами, первоначально *ковид-диссидентами* называли не столько отрицателей новой коронавирусной инфекции (отметим, что в английском языке именно это сверхсловная номинация используется для носителей соответствующих «медицинских» знаний – *covid denier*), сколько людей, считающих, что опасность заболевания явно преувеличена (теперь их принято называть *ковид-скептики*). Таким образом, в самом начале разразившейся эпидемии глумление журналиста, вводящего данное слово, над такой точкой зрения выглядит нелепым и не совсем обоснованным, так как

количество и качество официальной информации (в том числе и от ВОЗ) в начале пандемии действительно было весьма и весьма далеким от идеального.

Разумеется, сама модель номинации людей, которые отрицают или ставят что-либо под сомнение, с использованием форманта - *диссидент* не нова для русского языка. В области медицинских знаний этот способ словообразования уже неоднократно был использован: к началу 2020 г. существовали *СПИД-диссидент* (с 2000 г.; здесь и далее – данные «Интегрума»), *ВИЧ-диссидент* (с 2002 г.), *онко-диссидент* (с 2008 г.), *гепатит-диссидент* (с 2016 г.). Кстати, на несколько дней раньше в русскоязычном медиадискурсе появляется не такая частотная, но созданная по той же модели номинация *корона-диссидент*: «Никому не хотелось выглядеть легковерным паникером, и даже когда экономика Китая встала, все еще находились «корона-диссиденты», утверждавшие, что все происходящее – мировой заговор фармацевтов» [Деловой Петербург (dp.ru) 10.03.2020]. По данным того же «Интегрума», на 300 документов, в которых используется *корона-диссидент*, приходится 21.132 документа с *ковид-диссидентом* и 4.001 – *ковидиотом* (данные на 25.03.2021 г.).

База неологизмов группы «Словари новых слов» Института лингвистических исследований РАН к февралю 2021 г. насчитывала несколько десятков номинаций со значением ‘тот, кто отрицает существование коронавирусной инфекции COVID-19’. Анализ этих лексем (материалы любезно предоставлены М. Н. Приемышевой) позволяет выявить векторы концептуализации с помощью языка вражды представлений о людях, не разделяющих официальную и медицинскую точки зрения на новую коронавирусную инфекцию.

Итак, синонимы *ковид-диссидента* можно распределить по следующим когнитивным компонентам:

- **‘противник идеи существования ковид-инфекции’** *антиковидник, антикоронавирусник*. Отметим, что маркером противопоставления «свой – чужой» становится значимая для языка вражды приставка *анти-*, однако уже сами производящие существительные содержат в себе элементы отрицательной коннотации: *ковидник* и *коронавирусник*, которые не случайно сопровождаются пометами *разг.-сниж.* в [Словарь языка коронавирусной эпохи 2020]. Подобное происхождение этих номинаций может быть интерпретировано двояко: либо производящие существительные были созданы сторонниками ковид-диссидентства, либо в сниженных номинациях реализуется некая табуированность, присущая наивным медицинским представлениям о болезни и

больных. В любом случае важно заметить, что современная («новая») этика однозначно настаивает на том, что людей нельзя называть по их болезни: «нужно избегать паталогизации, то есть не объединять человека и его особенность, заболевание» [Бобылева 2021: 72]. Следовательно, перед нами образцы нового языка вражды – вражды, направленной на тех, кто не принимает саму идею COVID-19. Одновременно языку вражды принадлежат и *ковидник*, *коронавирусник*, и *антиковидник*, *антикоронавирусник*.

• **‘отрицатель существования ковид-инфекции’**: (1) *вирусный нигилист*, *ковид-нигилист*, *корона-нигилист*, *коронанигилист* и (2) *ковид-отрицатель*, *ковидоотрицал*, *ковидоотрицатель*, *коронаотрицальщик*, *корона-отрицатель*. Данный ряд, безусловно, продолжает международную (прежде всего, англоязычную) традицию номинации и словоупотребления, а в некоторых случаях является прямой словообразовательной калькой: *covid denier*, *corona nihilist*. Степень языка вражды можно определить как мягкую, однако в некоторых контекстах она может достигать высокой степени риторики ненависти:

«К сожалению, в таких условиях активизировались самопровозглашенные "ковид-нигилисты", заигравшиеся в свои "антимасочные" игры. Эти субъекты не просто не думают о своем здоровье, но и угрожают здоровью, а то и жизни других людей, кто встретился им на пути!

Наверное, этим "активистам" кажется, что они "казаки-разбойники", "робингуды", искатели приключений, "борцы" за мифическую правду. Но на самом деле это бессовестные люди, которым наплевать на тот вред, который они наносят окружающим. они действуют компаниями, ведь одному страшно противостоять обществу! Как уличная шпана, которая нападает толпой» (<https://www.vzsar.ru/blogs/4917>).

• **‘не верящий в существование ковид-инфекции’**: *ковид-еретик*, *ковид-неверующий*, *коронаатеист*, *коронагностик*. Этот вектор концептуализации ковид-диссидентов интересен тем, что из плоскости знаний, как это было в предыдущих группах, существование ковид-инфекции (основание номинации) переносится в область веры (точнее – неверия). Степень языка вражды здесь, разумеется, стремится к нулю, однако если учесть всё увеличивающуюся в Русском мире значимость концепта ‘Вера’, гипотетически можно предположить, что в будущем словообразовательные единицы, содержащие в качестве второго форманта *-атеист*, *-агностик*, *-еретик*, будут все больше и

чаще обслуживать уже настоящий язык вражды, нацеленный на идеологических и не только противников.

- **‘индифферентность к ковид-инфекции’**: *ковигист, коронапофигист*. Язык вражды здесь эксплицируется самими словообразовательными моделями: *ков(ид)- / корóна- + (по)фигист*, которые в качестве второго форманта отсылают не только к производной номинации со значением ‘человек безразличный, равнодушный, безучастный к кому-, чему-л.’ (*разг.-сниж.*), но и к предыдущему словообразовательному этапу, который находится за пределами печатной речи.

- **‘умственная ограниченность’**: *ковидиот, ковид-идиот, ковидоидиот, ковидофреник, коронаидиот, корона-идиот, коронафреник; антикорона-безумец*. Безусловно, это самая жесткая степень языка вражды на уровне номинации в адрес ковид-диссидентов: подобного рода лексемы, обыгрывающие старинные и вытесняемые из современной психиатрии термины, делают акцент на якобы слабых когнитивных способностях сторонников иных взглядов. Подобная концептуализация ковид-диссидентов характерна для многих языков, в том числе и для английского: *covidiot, coronacrazy*.

- **ядерные номинации**: *ковид-диссидент, ковидодиссидент, коронавирус-диссидент, коронадиссидент, корона-диссидент*.

Отдельно к лексико-семантической группе «Ковид-диссидент» примыкает ЛСГ «Ковид-скептик»: *ковид-скептик, ковидоскептик, корона-скептик, коронаскептик, COVID-скептик*. Однако эти группы слов, несмотря на кажущееся сходство, не следует рассматривать как синонимичные. На нынешнем этапе взаимодействия человеческого общества с пандемией, по-видимому, можно говорить о трех базовых формах отношения к новой коронавирусной инфекции, кроме взвешенной, нейтральной: ковидофобия, ковидоскептицизм и ковид-диссидентство:

«Коронавирус разделил нас на три группы: тех, кто боится выходить на улицу без маски (назовём их коронафобы); тех, кто полагает, что новый вирус не намного страшнее гриппа и может угрожать только слабакам (коронаскептики), и тех, кто вообще считает всё происходящее гигантским спектаклем из-за выдуманной угрозы (коронанигилисты)» [Xoroshiy.ru 17.04.2020].

Отметим, что в английском языке есть еще более сильная с точки зрения морально-этических норм номинация для обозначения высшей степени проявления ковид-диссидентства – *Coronacaust Denier* (*corona + (holo)caust*), появившаяся, по данным Urban Dictionary, не позднее 10 мая 2020 г. Под *отрицанием коронакоста* подразумевается «умаление

или отрицание смертей сотен тысяч жертв во время коронакоста 2020-х гг.».

«Отрицатели коронакоста выдвигают ложные и необоснованные заявления, такие как:

- *Должностные лица правительства / штата / больницы США лгут, выдавая каждую смерть (от рака до самоубийства) за «вызванную вирусом».*

- *Страны с низким числом смертей от коронавируса лгут, скрывая истинное количество смертей для того, чтобы Америка на их фоне выглядела плохо.*

- *Люди умирают, это часть жизни, и коронавирус ничем не отличается от сезонного гриппа.*

- *Симптомы коронавируса напоминают последствия вакцинации, и было бы интересно узнать, делали ли жертвы в последнее время прививки...*

- *Ковид-19 действует только на старых и больных, которые все равно умрут.*

- *Я думаю, что цифры (инфицированных, погибших и т. д.) примерно вдвое меньше того, что нам рассказывают, это просто мое чутье...*

Отрицание коронакоста основано, прежде всего, на теориях заговора ультраправых и альтернативных правых, эйджизме, эйблизме, расизме и классовой ненависти» (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Coronacaust+Denier>).

В русском языке также уже зарегистрирована лексема *коронакост*:

Сенатор от округа Карвер штата Миннесота и семейный врач с 40-летним опытом работы в медицине Скотт Дженсен (Scott Jensen) сообщил о том, что против него начато расследование по поводу его публичных заявлений относительно новых коронавирусных правил заполнения свидетельств о смерти и сравнения ковид-19 с гриппом. Видимо недалёк тот день, когда за отрицание якобы смертельной опасности от коронавируса начнут сажать. А может уже пора вместо слова "коронавирус" использовать какое-нибудь другое словечко, не имеющее отношения к медицине? Например "коронакост"... [Русская Правда (ruspravda.info) 14.07.2020].

Правда, *коронакост* в отечественном медиапространстве не популярен (6 документов в «Интегруме» на 25.03.2021) и для номинации ковид-диссидентов пока не используется.

Интересно, что, как это случается с элементами языка вражды, ковид-диссиденты стали использовать это отрицательно окрашенное слово (а именно такая коннотация сопровождает сотни употреблений в Рунете и русскоязычном медиапространстве) в качестве самоназвания. Иными словами, на наших глазах в течение всего нескольких месяцев реализовался один из вариантов борьбы с языком вражды – реклейминг (*linguistic reclamation*), под которым понимают процесс переприсвоения в качестве самоназвания представителями социальной группой X изначально оскорбительного слова, данного им иной социальной группой или даже обществом в целом, с целью изменения отрицательной коннотации на положительную (так эволюционировали слова *nigger* в американском варианте английского языка, *schwule* в немецком, *le decadent* во французском, *ватник* в русском 2010-х).

Доказательством сего факта может служить ситуация с интернет-сообществами (пабликами) самой популярной после YouTube русскоязычной социальной сети – «ВКонтакте» (данные на 18 марта 2021 г.: <https://www.statista.com/statistics/867549/top-active-social-media-platforms-in-russia/>).

В марте 2021 г. по ключевому слову *ковид* обнаруживалось более 30 сообществ, включая несколько региональных (типа «Группа перенёсших COVID-19 в Магнитогорске»¹, «Коронавирус Киров и Кировская область / Факты» и др.), медицинских («COVID Ковид Помощь. Онлайн бесплатно врачи рядом») и околomedicalных («Гирудотерапия. Восстановление после Ковид»), несколько групп типа «Купить сертификат о вакцинации против ковид», а также юмористические группы, включая самую многочисленную на тему ковида – «Ковид головного мозга КГМ» (5 355 пользователей на 25.03.2021), в которой тема ковид-инфекции уже давно ушла на периферию, однако, по мнению администратора, заглавие, видимо, до сих пор может неплохо работать для продвижения («раскручивания») паблика в сети.

Интересно отметить, что с точки зрения нейминга, практически ни одно интернет-сообщество «ВКонтакте», имеющее в заголовке *коронавирус* (а их более 2200!), не представляет интересы ковид-диссидентов, хотя немногочисленные юмористические группы типа «КОРОНАВИРУС MEMES» или «Мемы про коронавирус» существуют. Обращает на себя внимание и тот факт, что большинство сообществ, в название которых вынесено существительное *коронавирус*, связано с официальными группами тех или иных

---

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация интернет-контента полностью сохранены.

субъектов Российской Федерации, рассказывающих о борьбе с заболеванием.

Если же набрать в поисковой строке «ВКонтакте» *ковид-диссидент*, то на 25 марта 2021 г. обнаруживаются всего две группы, в название которых вынесено анализируемое слово: «Подозрительно бедный Ковид-Диссидент» (140 участников) и «михаил архангел - ковид диссиденты chemtrails 21» (1.893 участника).

Наличие всего двух групп в самой популярной социальной сети Рунета объяснить не сложно: с 1 апреля 2020 г. в Российской Федерации введено уголовное наказание за публичное распространение заведомо ложной информации, признаваемой общественно значимой (ст. 207.1, 207.2 УК РФ). И уже 3 апреля 2020 г. в Петербурге было возбуждено первое уголовное дело по ст. 207.1 о распространении фейков об эпидемии коронавирусной инфекции (<https://www.kommersant.ru/doc/4314465>).

Однако сам факт того, что несколько сотен человек вступают в группу, в которой в разной степени открытости обсуждаются и ставятся под сомнение как сама инфекция, так и методы борьбы с ней, говорит о том, что есть люди, готовые называть себя ковид-диссидентами. Иными словами, несмотря на определенные юридические и репутационные риски, некоторые граждане РФ готовы называть себя ироничным / глумливым / бранным для остальных сограждан словом *ковид-диссидент*, тем самым апроприируя его в отношении себя и переводя его из отрицательно-оценочного в разряд нейтральной, если не мелиоративной лексики.

Ковид-сопротивление. Второе по численности интернет-сообщество социальной сети «ВКонтакте», в названии которого используется *ковид*, называется «Движение КОВИД-Сопротивления» (на 25.03.2021 – 2996 участника) и его можно отнести к паблику так называемых ковид-сопротивленцев (не путать с ковид-диссидентами!). По-видимому, в Рунете это самая популярная группа соответствующей ориентации.

Интернет-группа «Движение КОВИД-Сопротивления», возникшая 10 декабря 2020 г., формально посвящена обсуждению действий Роспотребнадзора и агитации против ковид-паспортов и принудительной вакцинации. Данное интернет-сообщество также представляет особый исследовательский интерес, так как группа образует самый многочисленный паблик, посвященный критике принимаемых эпидемиологических мер и в нем наблюдается

медленный прирост участников, что свидетельствует о наращивании популярности.

Сама номинация *ковид-сопротивление*, по данным «Интегрума», появилась 1 октября 2020 г. (в статье «Вторую волну COVID-19 Европа тоже встречает локдауном. Но “мягким”» на сайте ukrinform.ua), однако особый всплеск употребления пришелся на первую половину декабря 2020 г., когда в ответ на принимаемые правительством Санкт-Петербурга меры владельцами малого и среднего бизнеса была создана сразу создавшая широкий медиа-резонанс «Карта сопротивления», на которой были размещены адреса ресторанов, объявивших о том, что будут работать во время новогоднего локдауна, нарушая тем самым муниципальный запрет (примера заголовка – «Мы не «мальчики для битья»). Идеолог ковид-сопротивления Александр Коновалов готов к переговорам со Смольным после штурма его бара» (<https://www.fontanka.ru/2020/12/09/69615496/>).

Первая запись в интернет-группе «Движение КОВИД-Сопротивления» относится к 10 декабря 2020 г. и представляет собой репост телевизионного ролика НТВ «Новогодний локдаун: почему ограничения лишь навредят туристам в Петербурге» (https://vk.com/wall-201032857_1). Девиз группы выглядит следующим образом: « Доказательная позиция твоя опора ». За три месяца существования паблика в нем опубликовано 337 постов (на 25.03.2021). Интересно, что в данной группе в принципе нет возможности оставлять комментарии к посту, что, безусловно, не позволяет разжигать агрессию. Однако, несмотря на то что в большинстве случаев записи представляют собой исключительно репост материалов тех или иных средств массовой информации и не сопровождаются какими-либо замечаниями, в ряде случаев администратор позволяет себе высказывать оценки о том или ином материале, тех или иных шагах, принимаемых властью. И вот они-то и представляют особый интерес с точки зрения уже не языка вражды, а риторики ненависти – развертывания аргументации, способов доказательств своего несогласия и т. д. Однако отметим еще раз, что речь в данном случае идет уже не о ковид-диссидентах, а о ковид-сопротивленцах.

Отдельной и невероятно интересной темой может стать язык вражды, конструируемый самими ковид-диссидентами. Замечательно, что в [Словарь языка коронавирусной эпохи 2020] в зону толкования лексического значения составители ввели специальную ремарку «В речи ковид-диссидентов». Этим слов зафиксировано более 40, среди

них – такие любопытные номинации, как *барановирус*, *вирусобесный*, *ковидиада 2*, *ковидолюб*, *маскофилия*, *фейкопидемия*, *фуфловирус* и др.

Также отдельного внимания заслуживает и концептуализация ковид-диссидента как ‘человека, игнорирующего профилактические меры, предпринимаемые для ограничения распространения ковид-инфекции’. На мой взгляд, это все же самостоятельное значение лексемы *ковид-диссидент*, так как человек может не отрицать наличие самой инфекции, но отрицать те санитарно-гигиенические меры, которые принимаются в том или ином регионе, считая их чрезмерными (*ковид-скептик*) или почти бессмысленными (*ковид-пессимист*). Однако и здесь открываются интересные стратегии анализа языка вражды, направленной на таких персонажей, как например: *карантиннарушитель*, *корона-шашлычник*, *наружитель*, *погулянец*; *антимаскер*, *безмасочник*, *голомордый*, *противомасочник*, *голоносик*, *подбородочник*; *антиперчаточник*, *бесперчаточник* и мн. др.

Безусловно, крайне интересен также лингвистический анализ мнений самих ковид-диссидентов, тех объяснений, которые они используют для отстаивания собственной точки зрения (разнообразные теории заговоров, фейковые новости, псевдомедицинская информация, слухи, устаревшие сведения и мн. др.).

Особого разговора требует анализ причин возникновения такого явления, как ковид-диссидентство, – в России и за рубежом. Не удивительно, что уже весной 2020 г. ответ на этот вопрос ищут и журналисты: «Множество ковид-диссидентов в России появились именно из-за кризиса доверия населения к политикам и власть имущим в стране. Все копившиеся ранее проблемы на сегодня обострились, поскольку, если раньше все, что давалось из официальных источников, можно было игнорировать, то теперь люди столкнулись с необходимостью оценивать решения властей. И здесь всё подвергается сомнению: статистика, меры ограничений и поддержки, принимаемые правовые документы и т. д.» [Савова 2021].

Сегодня интернет – это не только источник информации и способ проведения досуга, но еще и сильнейшее средство коммуникации, создающее новые, разнообразные формы общения, в том числе и агрессивного и человеконенавистнического характера.

Повышенная раздражительность и агрессивность весьма типичны для русскоязычных форумов и социальных сетей: «Культура доведенного до совершенства троллинга (умения вывести из себя собеседника при помощи провокативных приемов и подавить всякое сопротивление оппонента) и ‘холиваров’ (,священных войн’, в которых

противники яростно отстаивают свои позиции как последний оплот морали и правды) подразумевает, что юзеры Рунета привыкли к чрезмерности в риторических боях» [Зверева 2012: 46].

Случай ковид-диссидентства – это образцово-показательный пример того, как в сознании определенной социальной прослойки (образованные горожане молодого и среднего возраста) современного российского общества формируется новый враг, ровно по тем же принципам, которые описаны, например, для древнейших этнических стереотипов: «...простое существование непохожих других неизбежно несет в себе угрозу, потому что непохожие другие угрожают консенсуальной валидации, которая нам требуется для того, чтобы поддержать веру в тот способ, которым мы конструируем мир» [Greenberg, Kirkland, Pyszczynski 1988: 76-77].

Подводя итог, отметим, что стремительные трансформации новых цифровых технологий и особенности подвижной и постоянно меняющейся интернет-коммуникации приводят к появлению новых вызовов, новых форм и жанров речевой агрессии, не существовавших в доцифровую эпоху. Пандемия коронавирусной инфекции послужила мощным катализатором для развития языка и коммуникации, в том числе и в интернете. К сожалению, язык вражды также получил новую точку роста.

Литература

Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/2604/apresian.pdf>. Дата обращения: 25.03.2021.

Бобылёва М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М: АСТ, 2021. 224 с.

Верховский А. М. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр «Панорама», 2002. 200 с.

Зверева В. Сетевые разговоры. Культурные коммуникации в Рунете. Bergen, 2012. 277 с.

Понарин Э., Дубровский Д., Толкачева А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности прессы // Язык вражды против общества: сб. ст. / сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. С. 72–106.

Савова А. Это всё заговор: кто такие ковид-диссиденты, и почему они не верят в коронавирус [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://peterburg2.ru/articles/kovidioty-koviddissidenty-pochemu-lyudi-ne-veryat-v-sushhestvovanie-koronavirusa-70829.html>. Дата обращения: 25.03.2021.

Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России, Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: РУДН, 2009. 436 с.

Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: УрГУ, 2006. 560 с.

Digital-агрессия: что делать и кто виноват? Сборник статей и материалов к научно-практической конференции. Под ред. М. С. Корнева. М., 2015 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://mediatoolbox.ru/Digital_agression.pdf. Дата обращения: 25.03.2021.

Greenberg J., Kirkland S., Pyszczynski T. Some theoretical notions and preliminary research concerning derogatory ethnic labels // Discourse and discrimination. Detroit, Michigan, 1988. P.74-93.

Recommendation № (97) 21 of the Committee of Ministers to member states on the media and the promotion of a culture of tolerance. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/168050513b>. Дата обращения: 25.03.2021.

Hate Speech Law and Legal Definition [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://definitions.uslegal.com/h/hate-speech/>. Дата обращения: 25.03.2021.